

БРОДЯГА

Спасенному, известно, рай,
а вольному, конечно, воля,
ее хлебнул он через край,
бредя проселком или полем.
Ему плевать на грязь, на снег,
душа, вот, стонет от ушибов.
Бродяга тоже человек,
хоть и особого пошиба.
От века было так всегда:
не вечны сумерки печали.
Кров иногда ему давали,
кормили тоже иногда.
На тропке, что на карте нету,
ему известной одному,
дабы вдвоем бродить по свету,
прибилась истина к нему.
Попутчицу он гнать не стал.
Хоть босиком ходить негоже,
обувку ей свою отдал,
не жалко, истина ведь все же.
В пути гроза настигла их.
В дверь не одну они стучали.
Там, где когда-то привечали,
теперь нет места для двоих.

Третий час уж пошел
новых суток.
Ночь такая,
хоть глаз коли.
Не слышать ни ругни,
ни шуток.
Родина спит —
хоть из пушки пали.

То не кот бродячий,
не пес бездомный,
хоронясь
от людского глаза,
человек шатается
по дороге знакомой —
туда и обратно,
туда и обратно
раз
за разом.

Вот такая, дружок,
антитеза:
сам он трезв,
а ноги пьяны...
Учится
ходить на протезах
ветеран
чеченской
войны.

НАУТРО

Рассвет-циклоп
установился красным глазом
на старую дворничиху,
покачивающую
обширным
тазом.
Вшик... вшик...
Метла раз за разом
метет в кучку:
сломанную авторучку,
обрывок желанья,
спичечную коробку,
винную пробку,
комочек страданья,

любви окурки,
колбасные шкурки,
сомнений блох,
простудный чох
и прочую заразу.
Вшик... вшик...
Улице начинает казаться,
что зубы почистили ей —
можно снова весь день улыбаться.
И мне крикнуть хочется:
— Ей-ей!
Дворничиха,
пожалуйста,
подметите в душе моей!

* * *

В. Молчанову

Поэт — человек особый,
хоть эдак, хоть так погляди.
Ему заработать
чтобы,
не надо корпеть
с восьми до пяти.
Напишет с десятков строчек
и рад, и парит, что Икар.
Ведь даже
за многоточье
ему причитается
гонорар.
Свободен поэт, как птица!
Повсюду найдутся друзья.
Поэту можно напиться,
когда другому нельзя.

И беды со всей планеты
сквозь сердце поэта сквозят.
Народу
нельзя без поэта,
как без совести
жить нельзя.

Поэту прощают много.
Неискренности
не простят.
Поэты у Господа Бога
на особом счету стоят.

НА РЫНКЕ ГАРМОНЬ ИГРАЕТ

На рынке гармонь играет —
голос пропитой жизни,
голос больного тела,
стон рвущихся нервов.
Небо цветет сиренево.
Лица-униформы,
пестрый хлам одежды
снуют по базару проворно.

— Взвесьте, пожалуйста, этой колбаски —
кота покормить за кошачьи ласки.

Скрюченные пальцы
«Прощанье славянки» играют.
Кивает
в такт
голова.

Дырам-глазам
кажется —
солнце
по небу
скачет.

— Мама, купи «жувачку».
Вот эту, с красивой картинкой.
Мама,
зачем дядя плачет?..